

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Львович Житомирский родился в 1884 г. в небольшом уездном городке Черкассы Киевской губернии, находившемся в черте еврейской оседлости, в семье небогатого торговца, владевшего деревянной лавкой в торговых рядах, окаймлявших базарную площадь. Впоследствии неустанным трудом и энергичными усилиями, главным образом его матери, деревянная лавка превратилась в самый большой в городе галантерейный магазин, а семья поселилась в одном из самых крупных домовладений на центральной улице. Владимиру не удалось поступить в гимназию, несмотря на отлично сданные экзамены, и он пополнил ряды экстернов, самостоятельно овладевавших гимназическими знаниями, а в 1905 г. поступил на юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве. Поскольку он женился на девушке из очень бедной семьи, работавшей акушеркой, его родители, бывшие против этого брака, прервали с ним отношения, и Владимир все студенческие годы зарабатывал на жизнь репетиторством. Молодой юрист стал помощником присяжного поверенного, выступал в качестве адвоката по уголовным и гражданским делам в сотнях судебных дел, был юрисконсультom в компании, предоставлявшей в аренду сельхозоборудование. В 1912 г. вместе с братом Леонидом Владимир начал издавать первую городскую газету «Черкасские отклики», получившую большую популярность среди жителей и просуществовавшую до 1917 г., когда она сменила название на «Известия Черкасского Совета рабочих и солдатских депутатов». В годы между двумя революциями (1905–1917) он проникся марксистской идеологией, участвовал в социал-демократических кружках, распространял нелегальную литературу.

В феврале 1917 г. Житомирский принял революционный слом старого строя сразу и бесповоротно. Он описывал в воспоминаниях чувство невероятной радости и освобождения, которое испытывал вместе со множеством окружающих людей в феврале 1917 г.: «Не верилось, что так просто, легко, бескровно рухнуло то, что стояло, казалось, незыблемо, веками, — и вот мы уж не подданные, не подвластные, наша свобода в наших руках. Мы — граждане! Как чудесно звучало это слово!..»¹. И ему казалось, что его чувствам созвучны были лица высыпавших на улицу горожан: «Я не видел объятий, поцелуев,

¹ См. наст. изд., с. 308.

не слышал поздравлений. Но у всех были радостно-ошалелые лица, и сравнение их с лицами арестантов, только что и совершенно неожиданно выпущенных из темного тюремного подземелья на залитую ярким солнцем площадь, невольно приходило в голову»^{II}. Он активно включился в работу вновь созданных общественных организаций и демократических органов власти, стал депутатом Черкасской городской думы и одним из ее лидеров, руководил местной организацией Бунда. Он принял советскую власть, хоть это далось ему непросто. В архиве Житомирского хранится обрывок его записи, объясняющей причины этого решения: «Я принял новое практически, главным образом как крушение старого, ненавистного мне мира, но долго не мог его признать теоретически, ибо он противоречил известной мне марксистской догме. А когда я освободился от догмы, касавшейся в основном социально-экономической стороны переворота (марксистского представления о невозможности построения социализма в крестьянской стране. — М. М.), и стал понимать ее возможность (желанность ее мне всегда была близка и дорога), то мне стала мешать политическая сторона — отсутствие привычных мне норм демократии. В конце концов я все принял, и — не вполне осознанно — причиной было то, что я убедился: есть только две крайности — или белые, или красные. Для чистенькой демократии нет — исторически — места». Он даже вступил в 1920 г. в большевистскую партию, но отсутствие в стране демократии, свободы и гуманизма угнетало его до конца дней. На обрывке газеты, хранящейся в его архиве, он записал: «Партия обросла двумя категориями: а) примазавшиеся (безыдейные обыватели, корыстные стяжатели, жаждущие власти карьеристы); б) интеллигенты, сохранившие на всю жизнь потребность в чистой демократии и личной свободе, чуждые централизму и тоталитаризму» (текст относится к концу 1950-х гг.). Ко второй категории партийцев он явно относил себя. Если еще в 1918 г. он считал, что большевики преждевременно штурмуют стены капитализма в наиболее экономически отсталой стране, то уже через год он после колебаний принял советскую власть. Он вспоминал, как «затаил в душе как несбывшуюся, но прекрасную мечту идею чистой демократии и подлинной политической свободы. И в то же время практически я искренно принял новую власть, работал, стараясь сделать как можно больше и лучше для ее упрочения и укрепления. И раздражение вызывали у меня все нападки на нее»^{III}.

Тяжелые годы Гражданской войны на Украине, немецкая оккупация, водоворот сменявших друг друга властей и войск, от григорьевцев до денкинцев, посадивших его в тюрьму и готовивших ему смертный приговор, жестокие еврейские погромы с множеством убитых — все это привело к решению уехать из маленького и беззащитного городка и начать жизнь в крупном городе, где уже сложились более устойчивые условия для жизни. В 1920 г.

^{II} См. наст. изд., с. 308.

^{III} См. наст. изд., с. 378.

семья переехала в Одессу, где Владимир Львович начал работать как юрист в Рабоче-крестьянской инспекции, сперва в центральном аппарате, а затем в одесских подразделениях РКИ в Народном комиссариате иностранных дел и Народном комиссариате внешней торговли, в юридическую часть которого он вскоре перешел. Через два года он перешел на работу в Укрвнешгосторг, находившийся в Харькове, тогдашней столице Украины, куда весной 1922 г. семья переехала. В 1924 г. Укрвнешгосторг был ликвидирован, и Житомирский стал работать в ВСНХ УССР.

Его служба складывалась успешно, и в 1921 г. он даже был послан в заграничную командировку в Польшу на пять месяцев с ответственным заданием, касавшимся государственных валютных операций. Его работе не слишком помешало даже исключение из партии «за нарушение партдисциплины (неявка на Всеобуч)» во время одной из чисток в сентябре 1921 г. При этом его наблюдательный взгляд отмечал в государственном аппарате стремительный рост бюрократизма, равнодушия к работе, карьеризма. Он вспоминал в одной из отрывочных записей, сохранившихся в его архиве: «Моя служебная психика в первые годы сов. власти: наивная вера в то, что среди своих, т. е. товарищей по революции, по строительству новых форм жизни и новых отношений между людьми — словом, товарищей-единомышленников, делающих общее дело, нет и не может быть места бюрократизму, т. е. официальности, формализму, субординации, иерархизму, работе не ради дела, а из-за страха, личных расчетов, карьеры, выгоды и т. п. Помню первый раз сказанное “с нас голову снимут” — уже в Главторге». Тема перерождения революции, возникновения и становления бюрократического советского государства была для него очень болезненной и занимала много места в его размышлениях. Вот отрывок из сохранившейся в его архиве записи, посвященной Одессе 1921 г.: «Как я был политически наивен. Не понимал, что к чему. Ходил по НКинделу и НКвнешторгу как слепой. Мне было невдомек, что аппарат сразу превратил революцию в бюрократию. Помню это удивившее меня яковлевское “хозяйин”. Уже с первых лет определились три категории людей, составлявших аппарат — следовательно, власть. Первая — костяк, численно небольшой, но крепкий, самозабвенно преданный революции, с мрачной жестокостью, если этого требовала обстановка, делавший ее (Ройзенман, Чубин). Вторая — городские полуинтеллигенты, бывшие обыватели, прибывшие к “пирогу” власти и упивавшиеся ею не как целью, конечно, а как средством к преуспеянию и источнику удовлетворения мелкого тщеславия и растущего честолюбия. Костяк им наивно верил, видя в них “прозревший народ”. Третья — наш брат интеллигент, бывший революционер, с трудом, но честно сменивший вехи, впоследствии “пробравшиеся” (ирония!)».

Он даже начал писать очерк «Аппарат», который сам определял как подражание «Губернским очеркам» М. Е. Салтыкова-Щедрина, сатирически описывавшим быт русского общества в середине XIX в. (наброски сохранились в личном архиве).

Работая начальником отдела торговой политики ВСНХ УССР, Житомирский все больше занимался экономическими вопросами и постепенно стал довольно известным экономистом. Он публиковал статьи в центральных украинских газетах, газете «Украинский экономист», в выходившей в Москве газете «Экономическая жизнь» и др. Эта творческая деятельность приносила ему наибольшее удовлетворение. Как он вспоминал в 1950-х гг.: «Ведь потребность в творческом труде томила меня с молодых лет — ведь давали хоть маленькую, хоть недолгую душевную удовлетворенность ничтожной крупицей творчества, выпадавшей на мою долю, мои фельетонные “опусы” в “Черкасских откликах” и потом в Москве, в “Гудке”, некоторые мои писания по экономическим вопросам в Харькове, в ВСНХ и потом в Москве, в конце 20-х, в НКторге. Или гораздо раньше, в мои адвокатские годы, в построении какой-либо уголовной защиты возникал элемент творческой работы»^{IV}.

В 1926 г. Житомирский с семьей переехал в Москву. Главной целью его стремления в столицу было поступление сына Дани на композиторский факультет Московской консерватории и желание быть ближе к центральной прессе, не только экономической, но и литературной. В Москве он по нескольку раз в неделю публиковал небольшие фельетоны в газете «Гудок», в редакции которой сотрудничали И. Ильф и Е. Петров, М. Булгаков и Ю. Олеша. Нашлась и работа — сперва в ВСНХ РСФСР, а затем в Наркомторге.

Эпоха тем временем становилась все более суровой. Летом 1929 г. в стране началась чистка государственного аппарата и одновременно партийная чистка, не миновавшая, естественно, и Наркомат торговли. Житомирский выступил на партийном собрании с критикой хода чистки и заявил, что она должна в первую очередь обратиться против бюрократов (партийцев, по-чиновничьи относящихся к работе) и против высокомерного отношения к беспартийным. Другим крупным грехом комиссия по чистке сочла его отношение к частной торговле. Не слишком грамотный член комиссии, щеголявший словечком «партейность», записал в справке: «получается впечатление, что роль частника по мнению т. Житомирского вообще-то полезна и частник должен вообще существовать. Вообще-то она для трудящихся же вредна?!»^V Эта чистка, однако, прошла для Житомирского без особых потрясений, если не считать выговора, который к тому же был позднее снят, однако в газете «Рабочая Москва» появилась статья председателя комиссии по чистке С. Петропавловского, упомянувшего о его выступлении на собрании как о вылазке «меньшевиствующих» элементов. В архиве Житомирского сохранилось его машинописное письмо к Петропавловскому, в котором он разъяснял свою позицию «беспартийного коммуниста», не представлявшего своей жизни вне

^{IV} Из записей в личном архиве.

^V Из сохранившегося в РГАЭ (Российском государственном архиве экономики) личного дела В. Л. Житомирского в Наркомснабе (куда в 1930 г. был перемещен Наркомат внутренней и внешней торговли). РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 3. Д. 28. Л. 47.

советской работы как ее полноправного участника. Однако со временем его отношение к советской власти претерпело сильные изменения. Одним из поворотных пунктов в этом стали политические судебные процессы на рубеже 1920–1930-х гг., в частности процесс Промпартии 1930 г. В печатавшихся в газетах материалах судебных заседаний Житомирский как юрист видел, какими грубыми белыми нитками они сшиты. По этому поводу у него с дочерью-студенткой, в то время еще правоверной комсомолкой, шли тяжелые споры. Через много лет его дочь, известный историк и архивист С. В. Житомирская, вспоминала об отце: «Критическое его отношение к советской власти, доставившее мне в отрочестве столько огорчений, начало складываться [...] в сталинское время»^{vi}. Говоря о конце 1920-х гг., она писала: «Вспоминая это время, я понимаю, что родители мои уже прониклись известным скепсисом по отношению к окружающей действительности и это давало повод к острым спорам с ними из-за моей ортодоксальной реакции на любое критическое замечание»^{vii}.

Служба Житомирского в наркоматах и позднее в Министерстве черной металлургии, где он работал с 1943 г., продолжалась до августа 1948 г., когда, очевидно, в ходе борьбы с космополитизмом его уволили «в связи с реорганизацией» («Увольнительная записка» находится в другом его личном деле)^{viii}. Он вышел на пенсию, и всем пространством его жизни стала маленькая двенадцатиметровая комната в коммунальной квартире в Кривоколенном переулке. В ней помещались письменный стол и маленький телевизор с линзой, по которому смотрели музыкальные передачи, слушали оперы и симфонические концерты. Отдушиной в жизни Житомирского в начале 1950-х гг. стало литературное творчество — он с увлечением работал над инсценировками двух повестей А. П. Чехова «Моя жизнь» и «Рассказ неизвестного человека». Однако все попытки воплотить инсценировки в театральных постановках окончились неудачей. В Горьковском драматическом театре автору советовали сократить личную тему и усилить социальную, а также сделать оптимистичный финал, но в итоге отклонили; то же было и в телевизионных и радиоредакциях, куда он отправлял свои сценарии. Однако в 1959 г. сценарий постановки по повести «Рассказ неизвестного человека» был принят отделом литературно-драматического вещания Госкомитета по радиовещанию и телевидению и был даже заключен договор с автором, но была ли осуществлена постановка, неизвестно.

Но тем не менее эта работа приносила автору истинное счастье: «В последние годы выпали на мою долю месяцы настоящего творческого труда. Пусть это был труд лишь окололитературный, говоря точнее, труд

^{vi} Житомирская С. В. Просто жизнь. М., 2008. С. 50.

^{vii} Там же. С. 86.

^{viii} РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 53. Д. 113. Л. 200.

ремесленно-драматургический, но он наполнил меня чувством настоящего творческого горения — я испытал часы подлинной полноты жизни».

Однако главным делом последнего десятилетия жизни Житомирского стало написание его воспоминаний, которые он скромно озаглавил «Мои записи». Первые мемуарные наброски были им сделаны еще в 1938 г., потом после долгого перерыва он вернулся к ним в 1940-х гг. Главная же работа над воспоминаниями велась в 1950-х гг., особенно в их второй половине, о чем свидетельствуют даты, выставленные автором под некоторыми главами воспоминаний. Воспоминания, задумывавшиеся еще далеко не старым автором не только как подведение итога своей жизни, но и как хроника семьи, превратились в хронику его родного города на фоне неспешной, мирной, хоть и сложной жизни конца XIX — начала XX в., а затем бурной и трагической истории революционных лет и Гражданской войны.

Другую, едва ли не главную причину создания воспоминаний сам Житомирский определял как удовлетворение «мучительной потребности» в творческой работе. Во время работы над воспоминаниями перед его глазами стоял воображаемый читатель, к которому он главным образом мысленно обращался, — его сын. «Мысли, воспоминания о пережитом, о людях, проверка себя во всем, что я делал и как жил все годы, подытоживание всего этого — все это бродит во мне как потребность сказать это именно тебе, все это осознается как живой рассказ тебе в долгую зимнюю ночь, которая будет одной из последних ночей в моей жизни», — мысленно обращался он к сыну. Однако автор вовсе не был уверен, что его воспоминания будут прочитаны и оценены по достоинству его детьми, а тем более внуками. Кроме того, он не сомневался, что эти воспоминания не могут быть опубликованы. «И опять-таки трагично, что главная моя литературная продукция вовсе не эти инсценировки, а мемуарные “Записи”, которым я отдал в течение ряда лет и отдаю много времени, сил и глубокой увлеченности, между тем как они не должны и не могут выйти в свет, не должны и не могут рассчитывать на читателя...» — писал Житомирский в сохранившейся в его архиве рукописной тетрадке, озаглавленной «Старость. Наблюдения. Чувства. Мысли».

«Мои записи» писались автором от руки в 11 общих тетрадях с клеенчатыми обложками. Через несколько лет после смерти В.Л. Житомирского в 1960 г. его внук, молодой ученый-химик Ю.П. Ямпольский отдал машинистке перепечатать эти тетради (к счастью, автор оказался неправ в своих грустных прогнозах относительно интереса потомков к его мемуарам) и переплел машинописный текст в два довольно толстых тома. Эти тома в двух экземплярах хранятся много лет в семейном архиве. Записи в тетрадях заканчиваются на переезде семьи Житомирских в Одессу в 1920 г. Продолжение воспоминаний, начиная с 1920 г. и до 1934 г., писались им в тетрадях для рисования большого формата и были озаглавлены «Краткие хронологические записи». Они отличаются короткой, дневниковой формой фиксации событий. Воспоминания, относящиеся к 1934–1941 гг., остались только в черновиках. Начиная

с 1931 г. воспоминания посвящены уже исключительно семейным делам и не касаются происходящего в стране. И это, конечно, неслучайно — чем дальше, тем опаснее, видимо, представлялись автору записи о событиях сталинского времени. Поэтому в данной книге текст воспоминаний заканчивается на 1934 г. включительно.

Текст воспоминаний публикуется по оригиналам. Первая часть посвящена описанию дореволюционного быта жителей Черкасс, религиозных обычаев и праздников, бывших неписаным стержнем духовной жизни еврейского общества, социальных связей и взаимоотношений среди разных слоев населения, образования детей. Интересны рассказы о высокоразвитой общественной взаимовыручке и городской благотворительности, о тяготах торгового дела, основанного на кредитах и долгах банкам; колоритны образы предков, членов семьи и обитателей города. Названия глав были сделаны самим автором.

Вторая часть «Записей», посвященная в основном событиям 1917–1920 гг. на Украине, представляется настоящим эпическим полотном, в котором отразилась тяжелейшая история тех лет: наступление политических свобод в феврале 1917 г., работа в новых демократических органах власти, обрвавшаяся с приходом гетманщины, оккупация Черкасс немецкими войсками, еврейские погромы, арест деникинской контрразведкой, тюрьма и угроза расстрела и, наконец, окончательный приход Красной армии и установление советской власти. Заголовкам в этой части автор дал порядковые номера, и в таком виде они и сохранены.

В третью часть, получившую название «Продолжение воспоминаний», вошли «Краткие хронологические записи», посвященные событиям 1920–1928 гг., и записи из тетради «Хроника моей семьи», относящиеся к 1929–1934 гг. Эта часть состоит из небольших глав, озаглавленных автором по хронологическому принципу. Таким образом, разноречивость в названиях глав в разных частях текста объясняется желанием сохранить авторские заголовки.

Воспоминания В. Л. Житомирского публикуются впервые. Они являются ценным источником для изучения жизни еврейского населения в черте оседлости Российской империи в конце XIX и начале XX в. «Мои записи» с большой подробностью раскрывают историю становления демократических преобразований после Февральской революции в небольшом уездном городе. Однако важность их как исторического источника состоит в том, что в них, как в капле воды, отразилась общая ситуация, о чем не раз писал автор. Тяжкие события Гражданской войны на Украине описаны автором с поразительной искренностью и образностью.

В тексте сохранены различные авторские написания имен: Шымын (Шимон), Генендль (Генэндл), Гитель (Гитл), Моисей (Мойсей). Все варианты написания имен отражены в именном указателе. Сохранены различные варианты написания слова «ребэ» (учитель, уважаемый человек), часто упоминавшегося в рассказе о детстве автора: ребэ, реб, рэб. Автор употреблял

древнееврейские слова в том звучании, как они произносились в его детстве, и они отличаются от общеизвестного современного написания. В этих словах среди гласных преобладает буква «ы»: мыцва (мицва — добрый поступок), Кыдыш (Кадиш — молитва), хысыд (хасид), Сыккыс (праздник Суккот), сыкка (летняя пристройка, используемая во время этого праздника), Швиыс (праздник Швиес), фрэйлыхс (свадебный танец), кнэллэн (набор детей для обучения) и т. д. Это написание также сохранено в тексте.

Издание сопровождается подстрочными примечаниями и аннотированным именованным указателем.

Выражаю большую благодарность черкасскому журналисту и краеведу М. Ю. Степанову за сообщение сведений об историческом прошлом этого города и за информацию об изобразительном материале, связанном с историей Черкасс. Я также очень признательна А. В. Мельникову за техническую помощь в распознавании текста.

М. П. Мироненко